

POLITICAL REPRESSIONS DURING COLLECTIVIZATION IN UZBEKISTAN IN THE 20-30TH YEARS OF THE XX CENTURY

Rasulov B.M. Email: Rasulov534@scientifictext.ru (Republic of Uzbekistan)

*Rasulov Bakhtiyor Makhmudzhonovich – PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
DEPARTMENT OF HISTORY OF UZBEKISTAN ANDIJAN STATE UNIVERSITY OF Z. M. BABUR,
ANDIJAN, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article is devoted to the repression in the period of complete collectivization in the villages of Uzbekistan in the 20-30s of the twentieth century. The methodological basis of the study of the universal dialectical method of knowledge that allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, in the relationship and interdependence, and based on its general scientific, special and private-research methods. This article first introduced in the scientific revolution of the archival documents of the central and local archives of Uzbekistan. On the basis of the study were disclosed form and ideological and legal foundations of the political repression of the Uzbek villages. It is shown that the most massive repression used against farmers who opposed the collective farm system, or do not express their sympathy to him, put it in the policy of "disenfranchised" and "dispossession".*

Keywords: *Collectivization, dispossession of kulaks, farmers, "kulak" ("mushtumzur"), OGPU, Soviet power, repressions, disfranchisements, "troika".*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Расулов Б.М. Email: Rasulov534@scientifictext.ru (Республика Узбекистан)

*Расулов Бахтиёр Махмуджонович - кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Узбекистана,
Андижанский государственный университет имени З.М. Бабур, г. Андижан, Республика Узбекистан*

Аннотация: *статья посвящена вопросам репрессии в период сплошной коллективизации в кишлаках Узбекистана в 20-30^е годах XX века. Методологическую основу исследования составляет всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, во взаимосвязи и взаимообусловленности и основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования. В статье впервые введены в научный оборот архивные документы из центральных и местных архивов Узбекистана. На основе проведенного исследования были раскрыты формы и идейно-правовые основы политических репрессии в узбекских кишлаках. Показано, что самые массовые репрессии, применяемые в отношении дехкан, выступавших против колхозного строя, либо не выразивших своё сочувствие к нему, выразились в политике «лишения избирательных прав» и «раскулачивания».*

Ключевые слова: *коллективизация, раскулачивание, дехкан, кулак («муштумзур»), ОГПУ, Советская власть, репрессии, лишения избирательных прав, «тройки».*

Политика репрессий Советской власти в Узбекистане в 20-30-е годы XX века считается темой, находящейся в центре внимания не только узбекских историков, но и зарубежных исследователей. Несмотря на то, что в последние годы в данном направлении был осуществлён ряд серьёзных научных изысканий, некоторые грани упомянутой выше проблемы, и, в частности, формы репрессий в период коллективизации и их идейно-правовая основа до сей поры достаточно изучены не были.

В 20-е годы XX века наблюдалось сильное влияние на развитие исторических событий в Советском Узбекистане политических процессов центра Союза. Начиная с января 1930 года в Советском Союзе с активизацией процесса сплошной коллективизации в сёлах и, в частности, в узбекских кишлаках события развивались стремительно. Архивные документы свидетельствуют о резком росте количества случаев нарушения законов советскими и партийными органами в данный период [14. л.15-31; 15.л.121-123].

В процессе сплошной коллективизации большевики в первую очередь, в качестве субъекта политических репрессий, стремились сохранить власть Советов. Ибо в первые годы сплошной коллективизации движения против советского строя и раскулачивания в скором времени обернулись массовыми выступлениями [13. л. 236-247] и даже вооружённой борьбой против Советской власти [15. л. 113-121]. Большевики, заботясь о сохранении власти, её защите, полностью задействовали возможности административного бюрократизма, давления, применения силы [9]. «Чрезвычайное положение», охватившее всю страну, было призвано взять курс на совершенствование советского законодательства и

защиту прав и свобод граждан. Однако произошло обратное: начали приниматься несправедливые решения, узаконивавшие беззаконие. Несмотря на то, что по советскому законодательству применение репрессивных мер в основном возлагалось на судебные органы, частично же – не в судебном порядке – на ОГПУ и НКВД [7, с. 26-32], тем не менее были расширены prerogatives несудебных организаций. Приоритетное значение приобрели решения «троек», имеющих судебные функции, районных и областных исполнительных комитетов, а также других должностных лиц, облечённых административными полномочиями. Начался период главенства директив партийных органов, приказов ОГПУ, циркуляров комиссаров и других подзаконных актов [5, с. 22].

По решению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года «Об укреплении социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и мерах борьбы против кулаков» органы местной власти получили все полномочия по борьбе против кулаков – от конфискации их имущества до ссылки [10, с. 323].

В узбекских кишлаках местным Советам были даны полномочия в административном порядке налагать штрафы на кулацкие хозяйства [14, л. 130-131], не выполнившие план заготовки хлопка, изымать у них мельницы и водяные крупорушки, которые затем реализовывались на льготных условиях колхозам и колхозным кооперативам [14, л.

132-133]. Передача местным органам власти полномочий на применение подобных мер административного наказания, которые были prerogative лишь судебных органов, создало правовую основу приобретения политическими репрессиями массового характера в процессе коллективизации.

В осуществлении политики сплошной коллективизации сельского хозяйства и «ликвидации кулаков как класса» такие виды репрессий, как расстрел и лишение свободы, по Уголовному Кодексу УзССР применялись за «контрреволюционные выступления и преступления против административного порядка» [7, л. 26-32]. В категорию контрреволюционных выступлений входило любое действие или бездействие, направленные на свержение Советской власти и её ослабление [3]. В Уголовном Кодексе УзССР, принятом в соответствии с «Важными основами уголовного законодательства СССР и союзных республик» ЦИК Советов СССР от 31 октября 1924 года и вступившем в силу с 1 июля 1926 года, преступления делились на две категории: а) направленные против основ Советского строя; б) прочие преступления.

Самые массовые репрессии, применяемые в отношении дехкан, выступавших против колхозного строя либо не выражавших своё сочувствие к нему, выразились в политике «раскулачивания». Сталин и другие партийные лидеры вызвали ещё большее обострение идейных противоречий между различными социальными классами и группами сельского населения. Посеяв распри между бедняками и зажиточными сельчанами, они тем самым усилили их взаимную неприязнь. Ибо советский режим, насаждавшийся большевиками, был основан на абсолютизированном классовом подходе марксизма-ленинизма. Ввиду чего сельским беднякам оказывалась поддержка, права и свободы же других социальных групп были ограничены. Посредством политики «кнута и пряника» методично усиливалась неприязнь крестьян друг к другу.

В процессе политики «ликвидации кулаков как класса» жизнь некоторых семей складывалась трагично, другие же за счёт этой трагедии, благодаря несчастью других людей приобретали имущество, политический статус и льготы. При выявлении кулацких хозяйств людей, способствовавших поимке глав семей, скрывавшихся от проверяющих, поощряли. Лицам, известившим о хозяйствах, не сдавших хлопок, выплачивалась премия в размере 15% от стоимости найденного хлопка [18, л. 105], они вносились в списки граждан, которым назначалась персональная пенсия за особые заслуги перед республикой [19, л. 220-221].

Кулацкие хозяйства оказались жертвами политики большевиков. В постановлениях Компартии «начало ещё более сильной атаки на кулаков» стало основной директивой [6, с. 53]. При окружных исполкомах были организованы «Фонды единовременной безвозмездной материальной помощи лицам и хозяйствам, пострадавшим от кабалы богачей и кулаков» [14, л. 13]. Обязательным постановлением исполкома Андижанского округа № 50 от 25 марта 1930 года подобные фонды были организованы при всех райисполкомах. Их капитал формировался посредством перечисления 25% сумм штрафа, взимаемого с нарушителей решений общих сельских заседаний относительно выполнения планов поставки хлопка и зерновых [16, л. 15]. Данному вопросу придавали чрезвычайно важное политическое значение, был установлен строгий контроль страхования имущества активистов борьбы против кулаков [20, л. 13]. Зарубежные исследователи, изучавшие данный процесс, также отмечали взаимную неприязнь и зависть крестьян друг к другу, искусственно разжигаемые большевиками [11, с. 23].

Советской власти путём лишения избирательных прав удавалось на правовой основе ограничить политически активных крестьян, выступавших против колхозного строя. На протяжении 1929-1936 годов по политическим, социальным и экономическим причинам у лиц, лишённых избирательных прав, были ограничены не только политические, но и гражданские права. Их не принимали в колхозы, увольняли с работы [16, л. 516-518]. Им не выдавали товары и продовольственные карточки [4], не назначали ни на

какую должность [10. с. 171], препятствовали их поступлению в высшие или средние специальные учебные заведения [8]. Данный процесс продолжался до 1936 года, когда вновь принятой Конституцией СССР было отменено лишение избирательных прав.

Функции политических репрессий в процессе коллективизации по социальной природе были направлены на две плоскости – всё общество и определённых лиц [1]. В первой плоскости путём сильного давления на духовную жизнь и свободу советского общества в кишлаках создавалась атмосфера социального запугивания. В трудовой и других сферах усилилось неэкономическое насилие, основным фактором стала организация принудительного труда. Был установлен контроль за идеями и действиями, представляющими опасность для солидарности в обществе. Между социальными группами появилось чувство взаимной неприязни, усилилось настроение враждебности друг к другу, что привело к падению нравственности в обществе, кризису национальных и религиозных ценностей.

Во второй плоскости политические репрессии, направленные против личности, вынуждали дехканов подчиниться большевистскому политическому режиму. Навязывалась вера в идеи, лозунги и теорию социализма. Всеми имеющимися методами и средствами в сознание широких народных масс внедрялись идеи марксизма-ленинизма. Ограничивая интеллектуальную деятельность и свободу творчества, официальная коммунистическая идеология создавала информационный вакуум.

В целях идеологического давления в обществе искусственно создавались образы «кулака» («мушгумзур»), «врага народа» (халк душмани), «вредителя» («зараркунанда»). В отношении объектов политических репрессий – богатых дехкан, собственников, предпринимателей и деловых людей, и других лиц – насаждалось отрицательное мнение и внушалось желание нанести им ущерб. В те годы широкое применение термина «чуждые элементы» («ёт унсур») стало ярким проявлением усиления противоречий в личных отношениях и послужило основой для применения насилия «нашими» – большевиками – в качестве «справедливой меры» в отношении «чуждых элементов».

Итак, Советская власть и большевики в выполнении целей проведения в короткий срок сплошной коллективизации и других мероприятий в качестве самого простого и жестокого метода использовали политику репрессий. В этом процессе большевики, вооружённые идеей классовой борьбы, особое внимание уделяли обеспечению активности представителей местных органов власти и бедняков-батраков. Посредством передачи части изъятого у кулаков имущества беднякам и колхозам они обеспечили заинтересованность колхозников в данной политике.

Через советские суды и приобретшие судебные функции «тройки», органы ОГПУ и НКВД, местные исполнительные комитеты и различные социальные институты на население кишлака оказывалось правовое, экономическое и идеологическое давление.

Список литературы / References

1. *Гарипова Г.Р.* Репрессия как социальное явление (Философский анализ). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2003. 30 с.
2. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР 1930-1960 гг. М.: Наука, 2003.
3. История советского уголовного права. Герцензон А., Грингауз Ш., Дурманов Н., Исаев М., Утевский Б. Изд. 1947 г. Allpravo.ru.-2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum107/> (дата обращения: 16.02.2017).
4. *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtm1/> (дата обращения: 15.02.2017).
5. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940; Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. Отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЕН, 2005.
6. Резолюции и постановления съездов КПСС, конференций и пленумов Центрального Комитета. Т.4, 1927-1931. - Т.: Узбекистан, 1983.
7. Свод уголовных законов УзССР, с изменениями и дополнениями до 1 апреля 1932 года Т.: Уз Госиздат, 1932.
8. *Славко Т.* Лишенцы. На материалах крестьянских судебных уральцев, лишённых избирательных прав в 1919-1936 гг. Нижний Тагил, 2001.
9. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.3, Кн.1, М.: РОССПЕН, 2003.
10. Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929-1955 гг. Документы и материалы. Т. I-III. Сост.: Р.Шамсутдинов, Б. Расулов. Т.1. Т.: Шарк, 2006.
11. *Финцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: 2001.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Введение.

13. Центральный государственный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦГА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 3. Л. 214-215.
14. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф.Р-837, Оп. 26 сч. Д. 384. Л. 15-31.
15. Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (ААП. РУз). Ф. 58. Оп. 5. Д. 47. Л. 70-73, 98.
16. Государственный архив Андижанской области РУз, (ГААО РУз). Ф. 189. Оп. 1. Д. 462. Л. 15.
17. ЦГА РУз, Ф. Р-904. Оп.1. Д.301. Л.222:
18. ЦГА РУз. Ф. Р-86. Оп.1. Д. 6045. Л.130-131.
19. ЦГА РУз. Ф. Р-86. Оп.1. Д. 7427.
20. ЦГА РУз, Ф. Р-837. Оп.8. Д. 424. Л. 13.